

ОСКОЛКИ ВОСПОМИНАНИЙ

(О ГЛАВНОМ МАРШАЛЕ АВИАЦИИ А.Е. ГОЛОВАНОВЕ)

На склоне лет, когда прославленный Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов работал над своими мемуарами, мне, одному из первых редакторов этих материалов, довелось не раз беседовать с ним о виденном и пережитом. Александр Евгеньевич был талантлив разносторонне. Прекрасный лётчик, великолепный организатор и руководитель, А.Е. Голованов обладал острым, аналитическим умом и несомненными литературными способностями, не случайно он – автор нескольких рассказов.

Одного маршал не любил: говорить о себе. Помнится, уступая моим настойчивым просьбам, не раз начинал какую-нибудь историю о том, как он... И вдруг, незаметно главным действующим лицом оказывался уже не он, а кто-то другой, на кого как бы случайно соскальзывало повествование.

Но зато я очень много слышал о нём от других, от тех, кто служил с ним, летал или просто встречался на земле или в небе.

Голованов Александр Евгеньевич в Красной Армии с 1919 года, участвовал в гражданской войне, служил в ОГПУ, работал в Наркомате тяжёлой промышленности, затем окончил лётную школу и с сентября 1934 года командир особого отряда тяжёлых кораблей ГВФ. Александр Евгеньевич участвовал в боях у Халхин-Гола и в советско-финляндской войне. С первых дней Великой Отечественной войны А.Е. Голованов на фронте. Дивизия дальнебомбардировочной авиации, которой он командовал, при его личном участии наносит бомбовые удары по Берлину, Кёнигсбергу, Данцигу, Плоешти... В феврале сорок второго он назначается командующим авиацией дальнего действия (АДД).

>> [О наполненной загадками и приключениями жизни А.Е. Голованова можно прочесть на нашем сайте в материале [«Тайны Главного маршала авиации А.Е. Голованова»](#); , отрывок из воспоминаний военных лет А.Е. Голованова – в материале [«Зло, творимое людьми»](#); .] <<

Ветераны АДД – с кем бы из них я ни беседовал – обязательно вспоминают один из излюбленных способов Голованова решать различного рода «личные», то есть обычно самые трудные и сопряжённые с обилием эмоций вопросы. Способ этот, пожалуй, парадоксален. Естественно предположить, что именно такие вопросы следует решать с глазу на глаз, без свидетелей, обеспечивая тем самым условия для полной доверительности и взаимной откровенности. Голованов же действовал совсем по-иному.

Приезжая в часть, он собирал личный состав на аэродроме или стадионе и предлагал высказывать просьбы, претензии и жалобы. Люди, не стесняясь сослуживцев, говорили о неполученной награде – где-то путешествует наградной лист, видимо, потерялся; о непонятной задержке в присвоении очередного воинского звания – если есть претензии, пусть начальство предъявит, будет ясно, над чем работать, а если их нет, зачем же тянуть, ведь звание для военного человека не пустяк; о нарушении справедливой очерёдности в предоставлении жилья; о плохой работе магазинов Военторга и Военкниги... Командующий тут же диктовал краткие и чёткие поручения адъютанту по тем вопросам, которые невозможно было решить на месте. Видимо, Голованов считал, что солгать, словчить или слукавить в присутствии боевых товарищей невозможно, а торжество справедливости, совершающееся публично, всегда поднимает настроение людей.

Об этих публичных приёмах Голованова по личным вопросам я не раз вспоминал после введения у нас единого политдня. Ведь ветеран партии Голованов обычно начинал с доклада о текущем моменте, о задачах личного состава, а затем уж переходил к ответам на вопросы служебного и личного характера.

